

Москва, радиослушатели 2001-24047-С.8

Чем отличается гений от таланта? Наверное, тем, что первый — это творец, по законам которого добровольно живут тысячи и миллионы. Но творить собственный мир могут режиссеры, художники, композиторы... А артисты? Они лишь таланты или талантища, представляющие чужие миры.

Аркадий Райкин — тот редкий артист, который может смело быть причислен к гениям. Он не писал себе текстов, от которых в истерике заходила публика, но все говорили:

"Как сказал Райкин..." Не сговариваясь, считали, что и "в Греческом зале", и "если меня прислонить к стенке", "вкус спесивческий", "пускать все будет, но пусть чего-то не хватает" и прочее артист придумал сам. Причем артист — отпадный красавец, украсивший бы своим лицом не один голливудский шедевр. А не комедиант со смешной, комичной внешностью.

Если верить Станиславскому — гении рождаются раз в сто лет. Сегодня Аркадию Райкину исполнилось бы 90.

РАЙКИН — может быть, самая загадочная звезда в нашем искусстве. Во всяком случае, он до сих пор не подходит ни под какие стандарты и как будто самим собой опровергает все, что делал. Он был неотразимым красавцем, а на сцене изображал смешное, как нелепый комик. Мужской шарм придавал этому комизму особый вкус. Со сцены он говорил такие смелые слова, от которых многие вжимались в кресла в ожидании расправы над артистом. А вне сцены он производил впечатление тихого человека, который способен произвести шум, только топчась домашними туфлями. И, наконец, он был блестящим, успешным, хорошо оплачиваемым артистом, но при этом никогда не был балагуром, дежурным тамадой любой компании. Он не устанавливал дистанции с коллегами, с другими людьми, но отчего-то само собой складывалось, что был он — и были все остальные. Он не рассказывал байки, и байки не сопровождают его после смерти. Странное дело, но его энергетика — титаническая — с годами струится печальным светом.

Имя любой легенды, согласно всем легендарным законам, было окутано слухами. Еще при жизни артиста по стране ходили слухи — один нелепее другого. Попробуем их развеять. Итак:

Слух №1 Райкин — это псевдоним. А настоящая фамилия артиста — Штипельман. Райкин — родовая фамилия. Этот слух, распространенный на полном серьезе, принадлежит коллеге Райкина по сатирическому цеху Аркадию Хайту, ныне покойному.

Слух №2 Райкин состоял в сионистской организации, для которой он зарабатывал деньги. Аркадий Райкин не состоял ни в какой организации, ни в одной партии, тем более в коммунистической. В театре миниатюр, которым он руководил, не было даже партийной организации и был всего один коммунист — артист Минкович.

Слух №3 С целью поддержки сионистской организации Райкин бриллианты в золотом гробу собственной матери. Мать Аркадия Райкина — Елизавета Борисовна — скончалась в 1965 году в возрасте 87 лет и похоронена в Санкт-Петербурге, на Преображенском кладбище.

Слух №4 Вся семья Райкина, его ближайшие родственники эмигрировали в Америку, Израиль, Канаду. Лишь одна родная сестра Аркадия Райкина — Софья Исааковна — в середине 80-х переехала на ПМЖ в США. Троюродный брат, известный отоларинголог Ленинградца Рафаил Райкин, жил в Израиле. Остальные — дети, родная сестра, семья брата, скончавшегося два года назад, продолжают жить и работать в Москве и Санкт-Петербурге.

Слух №5 Райкин имел несколько квартир, машину, огромную дачу. Долгое время, будучи известным артистом, Аркадий Райкин жил в коммунальной квартире на Греческой улице в Ленинграде. Позднее получил четырехкомнатную квартиру на Кировском проспекте. Когда переехал в Москву, ленинградские власти квартиру отобрали, а московские дали в Благоевщенском переулке. Его возила служебная машина. Дачи у него никогда не было, он снимал многие годы дачу для своей семьи.

Слух №6 Все потомки Райкина пошли по актерской линии. Пожалуй, это единственный слух, во многом соответствующий действительности. Его собственные дети — Екатерина и Константин — стали артистами. Единственный внук Алексей Яковлев начал как артист, но затем ушел в бизнес. Внучка Полина — учащаяся школы — танцует в ансамбле "Тодес" и пробует себя на сцене и в кино. Внучатый племянник Андрей пошел по музыкальной линии, студент консерваторского училища.

Гений за сценой

Он выходил, нет, скорее выбегал на сцену легкой походкой, откидывая красивую голову с седой прядью и начинал... Таким он остался в памяти. А каким он был за кадром? Об этом немного знали только самые близкие люди. Немного, потому что и для них он оставался загадкой.

Так, даже дома его крайне редко видели в пижаме, халате или, упусти бже, в спортивных трико с отвисшими коленями. Всегда в костюме, в крайнем случае в элегантных свитерах. Вообще одежде придавал очень серьезное значение. Когда хорошие вещи были в дефиците и не было возможности привозить их из-за границы, Райкин шил костюмы только у лучших мастеров Москвы и Риги.

Цвета предпочитал яркие: ослепительно-белый, ярко-синий. Однажды он шел по Минску в элегантнейшем белом костюме. Навстречу — человек в зеленой шляпе. Увидев белое явление и не узнав артиста, протянул: — Во пижон.

Райкин, ни слова не говоря, подошел к человеку, взял за поля шляпы и надвинул ее ему на уши.

Одежда была пунктиком Райкина.

Обычно перед спектаклем после второго звонка, когда мы, артисты, стояли за кулисами, к нам подходил Аркадий и желал ни пуха ни пера, — вспоминал родной брат Райкина Макс Райкин, работавший с ним много лет в театре. — Мы тоже желали ему ни пуха, и спектакль начинался. Но иногда он выкидывал фортели. Вдруг не появился даже после третьего звонка, мы дергались: не случилось ли что? Но неожиданно, перед тем как открывался занавес, он буквально влетал на сцену в шикарнейшем костюме. Мы шалели, и было видно, что ему этот прикол доставил удовольствие. Он проделывал это всегда — и когда ему было 30, и 40, и 50 лет. Даже тогда, когда стукнуло 75 и он тяжело болел.

Говорят, что даже за грибами Райкин отправлялся в costume. Кирзовые сапоги и телогрейка даже в

лесу, где нет публики, были явно не для него.

Грибы, пожалуй, единственная слабость Райкина, которую с большой натяжкой можно было назвать хобби. Во всяком случае, это ему доставляло удовольствие, он разбирался в грибах, любил их собирать. Когда ему однажды на гастролях на Волге, в специальном рыбном хозяйстве предложили удочку, он, постояв с ней десять минут, бросил ее со словами: "Какое скучное занятие".

Особых пристрастий в еде не имел. В алкоголь — тем более. В общем, за кулисами он был скучным человеком. А те из приходящих, кто наблюдал его дома, удивлялись тихости и замкнутости. Говорил тоже тихо. И преображался в привычный образ, когда читал участникам спектакля пьесу.

Алла Кожанова, театральная художник, оформившая последний спектакль Аркадия Райкина "Мир дому твоему":

— Он был так тих, что казался немощен. Но вот он начал читать мне пьесу, и я просто сошла с ума. Он прыгал, бегал на четвереньках, как собачка, пищал. Он работал за женщин, мужчин, животных. "Где публика?" — думала я. — Почему я единственный свидетель этого спектакля?

"Мир дому твоему" — единственный спектакль Райкина, где вместо привычных келки, дерева и лавки была декорация, детально воспроизводившая его московскую квартиру — стол, антикварный буфет, кресло, зеркало. — Все это невозможно было сделать в мастерской — было бы видно, что подделка, и мы с Аркадием Исааковичем ездили по коммиссионкам. Как только он заходил в магазин, начинался спектакль. Однажды, увидев живого Райкина, директор магазина — здоровенный дядька — ослеплен и от неожиданности сказал глупость: "Первый раз в жизни вижу вас так близко". — "И я первый раз в жизни вижу вас так близко", — ответил Райкин.

Именно в такой домашней декорации этого спектакля в 1987 году и хоронили Райкина.

Райкину давали на чай

Однажды в гостинице "Астория" Райкин с писателями Массом и Червинским обсуждали спектакль "Любовь и три апельсина". Райкин должен был играть несколько ролей. В это время вошел официант, и хитрый Масс, известный шутник, спросил: — Аркадий, а вы могли бы сыграть официанта?

— Конечно. — Нет, не на сцене, а в жизни, — пошутил Масс.

— Конечно, смог бы, — пошутил Райкин.

Надел пиджак, перекинул через локоть салфетку, расчесал волосы на прямой пробор, выпустил на лоб черный чубчик и стал рассматривать себя в зеркало. Но тут его охватила неуверенность. Все молча смотрели на него, и он понял, что отступить поздно. В сопровождении настоящего официанта вошел в номер, где расхаживал здоровый человек восточного типа.

— Что будете заказывать? — обмывая, спросил Райкин.

— Простите, дорогой, но вам никто не говорил, что вы поразительно похожи на...

— Да говорили, говорили. Меня здесь все так и называют.

Человек смотрел в упор и недоверчиво: — Но голос, голос! Скажите, дорогой, а вы сами его видели?

— Нет, на сцене не видел никогда. Нет никакой возможности.

— Обязательно посмотрите, обязательно!

Потом Райкин принес заказанный обед, и восточный человек снова завел свою песню:

— И черные волосы, и седая прядь, и голос у него такой своеобразный...

Райкин молчал как партизан. Не найдя сочувствия, лицо кавказской национальности свирепо принялось за бифтекс, и Райкин с облегчением приготовился уйти.

— Дорогой, давай рассматриваемся.

Он рассматривался, дал на чай и добавил: — Тебе еще на два билета хватит. Обязательно пойдешь посмотреть. Просто со стула упадешь, когда его увидишь.

Артисты из горкома партии

В 1964 году театр Райкина привез в Москву новый спектакль "Плюс — минус". Люди стояли ночами в очереди за билетами, хотя афиш в городе не было. Однако через неделю Райкину позвонил администратор Театра эстрады и сказал, что поступило распоряжение билеты на спектакль больше не продавать.

— Горком партии запретил. Я не могу их послушать. Вам надо срочно туда сходить, чтобы разрешили. Его встретили с распростертыми объятиями: "Какими судьбами, Аркадий Исаакович?" Вежливо выслушали и отправили в другой кабинет, где повторилось то же самое с той разницей, что вежливо предложили чай-кофе.

Райкин прошел ряд кабинетов, но правды не нашел. Вернулся домой, измученный опустился в кресло и, обхватив голову руками, сказал жене: — Мы думаем, что мы с тобой артисты. Ошибка. Вот там артисты — это настоящие артисты!

Ай, молодца!

В конце 50-х театр Райкина приехал в Польшу на гастроли. В Лигнице, где в штабе советской группы войск артисты должны были в шестом порядке отыграть несколько спектаклей, их поселили в здании бывшего гестапо, в котором в те годы располагалось общежитие военнослужащих. В каждой комнате было по шесть коек с сухонными одеялами, сломанные стулья, шкафы. Вода шла только два раза в сутки. В грязных туалетах можно было играть только "Бурю" Шекспира. Когда один артист открыл в туалете окно, чтобы проветрить помещение, раздался крик офицера: "Закрой окно! Стрелять буду!"

Райкин был взбешен, его в таком состоянии никто не видел. Он вызвал к себе директора Григория Тихановского, говорил с ним, как рассказывают очевидцы, на повышенных тонах. Но в конце концов потерял самообладание и дал ему в ухо. Это был первый и последний раз, когда все видели дерущегося Райкина.

У Зошенко другая фамилия

В 1946 году вышло судьбоносное постановление о журналах "Звезда" и "Ленинград", сломавших судьбы Зошенко, Ахматовой и писателя с меньшим именем — Хазина. Последний в то время написал сатирические стихи "Новые похождения Евгения Онегина", которые Райкин взял в свою новую программу. Естественно, что после постановления ни о каком "Евгении Онегине" не могло быть и речи. Для Хазина наступили черные дни, семья жила только на скромную зарплату его жены — актрисы Театра комедии.

Тогда Райкин взял произведение Хазина и на свой страх и риск поставил его в программу под другой фамилией. Подставное лицо заключило с театром договор, получило деньги и отдало их гонимому писателю. Такой же трюк был проделан с миндальной Зошенко.

Милиция снимает шляпу

Известный режиссер Георгий Товстоногов ехал по Москве на автомобиле. Художница, которая его везла, нарушила правила, и гаишник приказал ей прижаться к тротуару.

— Сиди, я разберусь, — сказал режиссер и уверенной походкой направился к милиционеру. Художница видела, как известный мастер что-то объяснял человеку со свистком, но тот был невозмутим. Тогда она подошла к милиционеру:

— Понимаете, мы спешим в театр Райкина, вот мои документы. — Вы работаете в театре Райкина? Неужели? В самом театре? А как себя чувствует Аркадий Исаакович?

И стал подробно расспрашивать о здоровье артиста, передавать привет с выражением любви от всей милицейской массы. Потом взял рад козырек и отпустил машину. Всю дорогу Товстоногов молчал.

Члены ЦК отдыхали

Когда МХАТ отмечал свой юбилей, была следующая мизансцена: артисты театра сидели на сцене и принимали поздравления с корзинами цветов от различных организаций. Знатные люди выходили, читали приветственные адреса, коллеги пели и шутили для мхатовцев. Те же, сидя, благодарно взирали на подношения и капустные номера. Но когда на сцену вышел Райкин, весь МХАТ как по команде встал, как будто юбилей был не у Художественного театра, а у Райкина.

Министр культуры Екатерина Фурцева, сидевшая в зале, произнесла в шок:

— Как же так? Когда вышел на сцену представитель ЦК, артисты слушали его сидя, а вышел Райкин, и все встали. Кто велел?

Ну как объяснить чиновнику, что "велел" — не тот глагол для любви и сердца. Его действительно любили и продолжают любить, и любовь эта особенная — благоволения, с дистанцией и добровольной позицией снизу вверх. Так смотрят восторженно только на звезду, масштаб которой даже со временем не определим и вряд ли когда-нибудь будет измерен.

Марина РАЙКИНА.
Фото из семейного архива.